

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДѢТИ ЭМИГРАЦИИ

«ДѢТИ ЭМИГРАЦИИ». Сборник статей под редакцией проф. В. В. Зыковского, Прага 1925. Издание Педагогического бюро. 251 стр.

Большую часть этой замечательной книги, о которой уже не раз упоминалось в нашей газете, занимает обширный обзор 2403 сочинений учащихся в русские эмигрантские школы на тему «Мои воспоминания», составленный Н. А. Цуриковым. Обзор сделан весьма тщательно и любовно и изобилует выдержками из сочинений, очень выукло и интересно подобранными и систематизированными. Своеобразием автору литературное дарование позволяет ему иногда конструировать своего рода коллективные портреты. Так, например, перед нами выстраивается образ «кадета», яркий и пленительный. Прославляющий выдержки объяснительный текст составлен с большим духовным тактом, без навязчивости и излишнего умничанья.

Автор понимает, что в составленном с драгоценными документами дѣтских исповѣдей фальшивой неужности будут казаться всякія психологическія разжевыванія. Материал говорит за себя, его нужно только «подать» — и это мастерски дѣлает автор, скромно отходя самъ въ тѣнь.

Дать изложеніе содержания сочиненій невозможно, ихъ нужно прочесть полностью, отъ строчки до строчки. Рядомъ съ потрясающими сценами революціонной дѣятельности, историческими сценами, наивными заявлениями, вызывающими неудержимую улыбку.

«Когда мы пробѣжали берегъ Италіи, то намъ отдавали честь иѣмцы».

«Этотъ домъ называли сумасшедшимъ, потому что тамъ жило много дѣтей».

«Когда я ѣхала, мнѣ было очень весело. Папа по дорогѣ заболѣлъ и насъ обокрали».

«Однажды снарядъ попалъ къ намъ въ квартиру, былъ страшный переполохъ, т. к. мы не привыкли еще къ такимъ случаямъ».

«Побѣдъ называли «Максимъ Горькій» и дѣйствительно мы ѣхали не спѣша».

«Одного мальчика спросили: «ты кому мундштукъ», на что онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ я православный».

«Ѣхали мы въ тѣснотѣ и въ обидѣ».

«У насъ въ печкахъ пеклись куличи, но они сплюснулись и не могли подняться отъ сотрясенія и гуловъ орудій».

«Однажды я пошла гулять, а большевики такъ выстрѣлили, что я упала и потеряла штаны».

Иногда описанія «литературныя».

«Дорога была прекрасная... прекрасный садъ, виноградники, гдѣ-то далеко-далеко слышались удары топора, ночной туманъ уже начиналъ сползать въ равнины... стало раздаваться пѣніе кузнечиковъ... Когда я подошла къ станціи, по-»

— Что сколько, какъ сколько? — офшиль Лычкинъ.

— Сколько контрибуціи, атмосферы эти оставь, все они карманы выиспелали, прирѣжь человека грабятъ и грабятъ, нечего голову морочить.

И захихикалъ дробнымъ смѣхкомъ Лычкинъ, а Севрюгинъ туча — тучей закружилъ по комнатамъ.

— Старый?! А вы то у насъ младший? — унижается Севрюгинъ, — теперь не только мнѣ жить легче будетъ, а всей роднѣ, родня не кружится: Савельевы, Кулишны, Роксанни, Жуковны...

— Неужто все родня? — пугается Лычкинъ и становится ему тошно, словно оно восторженное масло стаканъ за стаканомъ гнеталъ. А Севрюгинъ, унывая покладливостью смѣхемъ, мечтаетъ безъ остановки и передышки.

— Да у насъ родня столько, что не только въ городѣ, а въ окрестностяхъ вся родня сидитъ... Да вотъ увидите, на свадьбу все соберутся, все же легко съ такимъ человѣкомъ знакомство имѣть... А свадьбу заказу въ Соборѣ, на весь городъ кутнемъ, на всю губернію, пусть въ праздникъ, что дочка куца Севрюгина выйдеть, вѣнчанъ ея предѣлъ дѣлаемъ Лычкинымъ, пусть все знаютъ... Стучачимъ сидѣлъ и слушалъ Севрю-

бать уже собрался отходить; машина, стоя у паровоза, показавшись мнѣ великаномъ, онъ въ одной рубашкѣ, съ завернутыми рукавами, подкидывалъ въ печь уголь, его мѣдно-красное лицо было озарено кровавымъ отблескомъ играющаго пламени».

Но большей частью дѣти очень скупо на слова. Они четко, схематично описывают факты и тѣмъ значительнѣе и жестче звучитъ ихъ слабый голосъ — такъ значительны и жестки описываемые факты.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«На другой день, когда они опять ворвались къ намъ, увидѣли моего дялю въ погонахъ и офицерской формѣ, хотѣли сорвать погоны, но онъ самъ спокойно ихъ снялъ, вынулъ револьверъ и застрѣлился, не позволивъ до себя дотронуться».

«Разстрѣлы у насъ были въ недѣлю три раза: въ четвергъ, субботу и воскресенье, и утромъ, когда мы шли на базаръ продавать вещи, видѣли огромную полосу крови на мостовой, которую лизали собаки».

«Я начинала чувствовать ненависть къ большевикамъ, а особенно къ матросамъ, къ этимъ наглымъ лицамъ съ открытыми шеями и звѣринимъ взглядомъ».

«Въ это время былъ сильный голодъ и каждый человѣкъ молился Богу, чтобы дожить свою жизнь до коща».

«Свѣтъ отъ пожара освѣщали церкви... на колокольнѣ качались повѣшенныя; ихъ черные силуэты бросали страшную тѣнь на стѣны церкви».

«Возлѣ самой насипи, широко раскинувъ руки и уставивъ въ небо невидящие глаза, лежалъ въ грязи брошенный солдатъ; прохладнѣе мимо него крестились и равнодушно проходили мимо».

«Братъ застрѣлился, папа убитъ на войнѣ, тетя хотѣла броситься въ море, но мама удержала ее за рубашку, а дальше что было не знаю».

«Мнѣ самой пришлось видѣть, — пишеть дѣвочка (2 кл.), какъ одна женщина — таратка бросила своего ребенка въ рѣку Каму отъ голода, а когда ей стало жалко его, то она сама бросилась въ волны».

Интересна попытка автора схватить нѣкоторые типы дѣтей — повѣствователей (путешественникъ, рассказчикъ, герой, ребенокъ съ притупленной чувствительностью и т. д.).

Нѣкоторыя душевныя движенія проходятъ красной нитью черезъ все повѣствованіе. Таково прежде всего яркое чувство родины, которому посвященъ съ такой же любовью составленный очеркъ кн. П. Д. Долгорукова.

Очеркъ В. В. Зыковского («Дѣтская душа въ наши дни») и А. Л. Бема («Наблюденія и выводы») представля-

ютина Лычкинъ. Въ головѣ шумѣло каждое слово Севрюгина, словно молоткомъ по голове было. Жаркой и душной казалась комната и галстукъ окончательно сползалъ на животъ.

— Заварилъ кашу, узнаютъ въ губерніи, въ партіи, разговоръ не оберешься, до Москвы дѣло дойдетъ; а тамъ изъ партіи выгонятъ и съ предѣлательствомъ придется распрощаться... А помощникъ Зогинъ только и ждетъ такого случая, чтобы спихнуть меня, а я самъ своихъ козырей ему въ руки отдаю...

А Севрюгинъ пѣлъ.

— То-то все въ удивимъ, то-то все въ вѣнѣ возмѣтъ... Покинете годикъ, другой, а тамъ и въ кувны, чертъ съ нимъ съ этимъ предѣлательствомъ! Невидаль какая, были бы денежки; позниту по-боку и станете вы просто настоящій буржуй Лычкинъ... На прогулку пойдете съ Наташей и для вѣкъ интересъ большой, потому бывшій предѣлатель въ кувны вышлетъ, только, пока, надо ирѣчьваться къ настоящему дѣлу, что бы все было въ аккуратѣ... А! вы уходите? такъ посподите, подолжмте и рѣшимъ...

— Дѣло есть, послѣ подолжмте... — отрывался Лычкинъ и выскочилъ въ дворишко! Надъ угла дома дворника, съ обривающіи волосы на шеѣ, встрѣтила его громкая лавина. Въ домъ за дѣрью громко началъ свѣтаться сперва самъ Севрюгинъ, а вскорѣ къ нему присоединились два женскихъ голоса.

Стоялъ на дворѣ Лычкинъ и не зналъ, что ему теперь дѣлать и, когда собака совсѣмъ близко подошла къ нему, онъ сообразилъ:

— Въ отдѣлъ пойдю и сейчасъ же прикажу отдавать, чтобы дворовыхъ собакъ на цѣпочкахъ держали, а не на веревкахъ...

И точно въ отвѣтъ на его рѣшеніе собака заняла жалобно и протяжно, а внутри дома продолжалъ раздаваться счастливыи смѣхъ.

Ал. Грининъ.

ють попытку обобщенной переработки сочиненій.

Оба автора выполнили съ честью поставленную имъ задачу, исключительную по трудности. Споры нѣтъ, при всей сдержанности, обдуманности и талантливости разсужденій обонхъ писателей, эти разсужденія терпют на фонѣ обрабатываемаго матеріала, но въ связи съ очерками г. Цурикова и кн. Долгорукова они кажутся нелишними, и, въ цѣломъ, не ослабляютъ, а еще усиливаютъ впечатлѣніе.

Нельзя съ благодарностью не отметить объективности обонхъ авторовъ, позволяющей имъ подходить къ материалу, какъ педагогамъ и психологамъ, а не какъ политикамъ.

Сборникъ заканчивается статью В. М. Левитскаго о нѣкоторыхъ срочныхъ въѣрахъ въ помощь учащимся и статей В. Руднева, сообщающей нѣкоторыя цифры.

Обращаетъ на себя вниманіе то теплое и сердечное отношеніе къ школѣ, которое характерно для дѣтей и ярко выступаетъ въ ихъ сочиненіяхъ. Школа сыграла въ ихъ жизни огромную положительную роль. Дай Богъ, чтобы разбрасываемая нами книга привлекла вниманіе общественности къ русской школѣ и, въ частности, обусловила новый притокъ средствъ къ ней.

Для этого нужно эту книгу перевести на иностранные языки. Это не только имѣетъ политическое значеніе, какъ опубликованіе документа, лучше всякихъ объясненій и меморандумовъ характеризующаго Советскую Россію. Книга имѣетъ несомнѣнный и большой литературный интерес и можетъ разсчитываться на успѣхъ, какъ первоклассное литературное произведеніе. При такихъ условіяхъ, появленіе ея на иностранныхъ языкахъ можетъ сыграть большую роль въ дѣлѣ пропаганды русскаго школьнаго дѣла.

К. Зайцевъ.

Роза Иерихона

Последняя книга рассказовъ Бунина.

ИВАНЪ БУНИНЪ. Роза Иерихона. Изд. «Слово». Берлинъ. 1924.

Роза Иерихона. Да, Бунинъ былъ правъ, когда для послѣдняго тома своихъ рассказовъ и спиховъ, онъ взялъ это названіе. Роза Иерихона, это — символъ побѣды въ нашемъ жестокомъ мирѣ памяти и любви.

И эта книга Бунина, прежде всего — книга памяти о прошломъ и о родинѣ, и любви къ прошлому и къ родинѣ. Бунинъ беретъ ревностно и свято проназначенное любовью воспоминаніе о родинѣ здѣсь на чужбинѣ, въ изгнаничествѣ въ нашемъ, на чужой землѣ, — и вотъ она; родина; оныя благоухаетъ передъ нами и очаровываетъ насъ.

Какъ ни превосходно сдѣланы первые (по порядку включены въ эту книгу) рассказы ея («Сны Чанга» — собачьи слезы о буневаніяхъ душевныхъ собачьяго господина — капитана — моряка, или «Петлистая ушка» — жуткая повѣсть о другомъ бродягѣ), не эти рассказы, открывающіе эту книгу Бунина и написанные еще въ 1916 году, особенно запоминаются въ этой книгѣ.

Гласное въ пей, конечно, то, что написано было позднѣе, въ то время когда мы уже волею судьбы вынуждены были оставить землю нашу родную, оторваться отъ нея. И среди этого главнаго лучшее, — это — конечно, рассказъ о «Безумномъ художникѣ». Вся сила воспоминанія, вся сила способности предаваться воспоминанію то, что давно уже пережило и затронуло въ памяти громадой и грохотомъ событий и надвинувшихся новыхъ впечатлѣній, вся сила творческаго воспоминанія о томъ, что оставлено нами тамъ позади, далеко.

«Золотистое солнце на туманномъ востокѣ, за туманной синью далекихъ дѣсь, за блондъ изыменностью, на которую глядѣтъ съ невысокаго торного берега древній русской городъ. Былъ канунъ Рождества, бодрое утро съ легкимъ морозомъ и инеемъ...» — такъ начинается этотъ рассказъ, и вы сразу же переноситесь туда, къ родной землѣ, къ своему, къ родному.

«Узнаю тебя, Русь... — громко говоритъ художникъ Бунинъ, пытая по площади бунинскаго «древняго русскаго города», и мы далеко отъ нашихъ современныхъ буръ и невгодъ, омытъ въ нашей Русь, казавшейся, уже совсѣмъ позабытой и потерянной нами навсегда Русью.

Въ этомъ «Безумномъ художникѣ» Бунинъ уводитъ наше воображеніе въ «однѣ древній русской городъ», а перевертеть нѣсколько страницъ, — и мы вмѣстѣ съ авторомъ очутились въ русскихъ просторахъ деревенской Россіи, въ ея приростныхъ поляхъ и всѣхъ.

«Кругомъ насъ были поля, глушь сединной, покойной Россіи...» — изъ этого рассказа о коспахъ, о ихъ русской пѣнѣ, трудно не выплывать всего текста его, при желаніи показать воочию; какъ чудно по оны, Бунинъ, даждеть даромъ воспоминанія и возрожденія нашего воспоминанія!

Ал. Грининъ.

— «Они косили и пѣли, и весь береговой лѣсъ, еще не утраченный густоты и свѣжести, еще полный дѣтства и запаховъ, звучно откликался имъ...» — ну разъ въ есть сила оставленія, когда выплываетъ эту бунинскую прозу здѣсь и сейчасъ, на чужбинѣ и въ нашемъ обжестивѣннѣ...»

Въ «Коспахъ» мы въ власти полуденнаго часа въ чудесной прозрачной лѣтній день, а вотъ и нашъ русский весенній вечеръ и наша русская темная ночь въ расказахъ «Звѣзда любви». Это въ Парижѣ, въ 21-мъ году, Бунинъ вспоминаетъ нашу русскую почтовую ароматъ полей, среди которыхъ многие изъ насъ родились и выросли, и тогда же въ Парижѣ Бунинъ вспоминаетъ и русскую деревенскую зимнюю ночь съ ея выюгой, съ мятежью...

«Глубокая зима, ночь... На дворѣ мятель, тьма, вся деревня спитъ...» — разсказываетъ намъ Бунинъ и напоминаетъ намъ о русской дорогѣ, рассказавъ о случившемся «истинно динномъ» случаѣ въ жизни одного русскаго ямщика («Прощаженіе»).

Или вотъ Москва, пригрезившаяся писателю въ Амбуазѣ, въ гдѣ-то существующей Амбуазѣ и вѣнчине, но мнѣ лишь одному печально иѣ имело существующемъ какомъ-нибудь мѣстечкѣ Франціи, должно быть. Вотъ она Москва съ «золотистомъ — свѣтлымъ небомъ заката», съ Кремлемъ, «смирно и радостно озареннымъ въ уноръ вечернимъ солнцемъ», съ Ильинкой, съ Покровкой, «свѣтлой звономъ и гуломъ колоколовъ, благословляющихъ счастливо кончившійся суетный день»... («Далеко»).

И все это такой свѣтлый, такой лучезарный, непоколебимый никакими бурями, никакими невзгодами фонъ нашей русской жизни! Пусть въ каждомъ изъ этихъ рассказовъ неизменно содержится что-то трагическое, что трагично серьезное, — иногда даже лирическое и вѣнчине, по всегда внутренне напряженное и томительное, — но все же какъ спокойное и какъ свободно рассказываетъ свои рассказы Бунинъ, какъ бы отвлекаясь отъ нашихъ страстей, отъ нашего мѣтжаго негодванія, — съ такимъ большимъ артистическимъ спокойствіемъ, все — воемъ, какъ будто бы безъ всякаго гнѣва и безъ всякой страсти sine ira et studio. И потому-то такъ отдыхаетъ на этой книгѣ любви и воспоминанія.

2

Но это вовсе не означаетъ того, что въ этой книгѣ мы не найдемъ страницъ, переносищихъ насъ въ до — революціонную, въ посюстороннюю нашу действительность. Въ этой книгѣ Бунина мы читаемъ рассказы и о совсѣмъ недавней нашей быти, и о нашей боли.

Вотъ рассказъ — «Конечъ».

«На горѣ въ городѣ былъ въ отогъ промозглый зимній день тотъ роковой промежутокъ въ борьбѣ, то безвластїе, та злобная безлюдность, когда отступаютъ еще послѣдніе защитники и убѣгаютъ послѣдніе изъ убѣгающихъ обывателей, но наступающій врагъ еще робѣетъ и проливается то крадучись, то порывисто съ трусливой дерзости...».

Это уже всецѣло изъ нашей жизни, лишь намъ однимъ повитое и для насъ однихъ такое жуткое. Эвакуація, — для насъ однихъ, русскихъ такъ особенное слово! Набережная. Карантинная гавань, и «Патрасъ» подъ французскимъ флагомъ...»

«Что же мы стоимъ? — послышалось гудомъ въ тошнѣ, валившейся пародомъ». «Съ ума сошли что-ли французы? — Насъ не вышутатъ, насъ всѣхъ переружатъ. — И всѣ стали врать напропалую, стараясь чѣмъ-то наугадъ и себя и другихъ: угля, говорятъ, вѣтъ, команда, говорятъ, бунтуетъ, матросы красный флагъ хотятъ выкинуть...» — вотъ они жуткіе возмущеніе до сѣрденія гудомъ нашего совсѣмъ недавняго прошлаго!

«Два часовыхъ, два голубыхъ солдата въ желтыхъ каскахъ стояли съ короткими ружьями на плечо возлѣ сходящей Вдурѣ откуда то появился передъ нами высокой яростно залыхавшійся господитъ въ бобровой боярской шапкѣ, въ динномъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. На ружьяхъ у него спокойно сдѣлалъ предѣлстия синеглазая дѣвочка...»

Вотъ оно уже всецѣло наше, и самое не давнее наше, самое близкое намъ! Всеъ этотъ рассказъ полонъ тревоги, нашего волненія, нашего недоумѣнія.

«Три четверти людей, обившихся на «Патрасъ», уже испытали несмытное и неправдоподобное количество всякихъ потерь и бѣдъ, смертельныхъ опасностей, жуткихъ и нелѣпыхъ приключеній, мукъ вѣдскаго передвиженія, и борьбы со всяческими препятствіями, крайнюю тяготу тѣлесной и душевной нечистоты, усталости...»

Да, это все мы, и разлѣ мало среди насъ тѣхъ, кто не задавалъ бы себѣ въ одну какую-то страшную минуту того послѣдняго вопроса, которымъ такъ возбужденъ былъ авторъ этого рассказа въ жуткій моментъ ожиданія конца въ свѣтлой бурѣ на бунушемъ морѣ:

«Россія — конецъ, да и всему всей моей жизни тоже конецъ, если даже и елужитъ чудо и мы не погибнемъ въ этой злой и ледяной пучинѣ! Только какъ же это я не понимаю, не понимаю этого рабѣ, а лишь гдѣ то въ глубинѣ души чертъ силу нестъ какую-то несказанно тяжкую тоску...»

Или въ другомъ мѣстѣ разлѣ не наша обща повѣсть — лирическа повѣсть ски

тальца по роднымъ мѣстамъ, элегическое повѣствованіе оставшагося тамъ «среди задуствия родныхъ мѣствъ, среди разваливъ и мотыль», повѣствованіе о своихъ днѣхъ тамъ, гдѣ братья наши порой мечтаютъ только о паслѣдованіи «всерочной веселѣ»... Отъ своихъ близкихъ, отъ своихъ друзей, наконецъ, въ собственной своей душѣ, разлѣ не слышали мы отихъ горькихъ признаній — восклицаній героя бунинскаго разсказа:

«Да, я чудомъ уцѣлѣлъ, не погибъ, какъ тысячи прочихъ убѣннхъ, замученныхъ, пронавшихъ безъ вѣнсти, застрѣвшихъ, поѣвившихся, я опять живу, и да же путешествую... Но что можетъ быть у меня общаго съ этой новой жизнью, оустойчиваго для меня всю вселенную! — Я живу, — и порою, какъ вотъ сейчасъ, да же въ какой-то восторженной радости, — но съ кѣмъ и гдѣ?»

По и въ этихъ такихъ острхъ, и пронзительныхъ нашей общей болью разсказахъ у Бунина не бунушетъ и не клочаетъ страсть, протестъ и негодованіе. Повѣствованіе и здѣсь течетъ медленно и плавно, почти безъ перебоевъ, какъ тихая полноводная русская рѣка. Право же, sine ira et studio (въ крайнемъ значеніи этого слова) пишетъ Бунинъ. Ига и studium у него предельныя категорическимъ истиннымъ всего окружающаго насъ и нашу Россію безобразія.

3

Но въ своихъ разсказахъ Бунинъ ставитъ насъ передъ лицомъ и самыхъ глубинныхъ, самыхъ интимныхъ, вѣнчныхъ вопросовъ. Не только къ повсѣднему обращенію его устремленія, но и въ сторону вѣнчности, и въ духа самыхъ послѣднихъ по времени написанія разсказовъ эти мотивы у Бунина звучатъ какъ будто бы съ особенной явучестью. Въ Приморскихъ Азѣяхъ въ 1923 году Бунинъ написалъ великолѣпныя вещи — своего «Незвѣстнаго круга» и свой «Отъ пожара-юшій». Напоенная лирикой музыка первая и нѣсколько напоенно — торжественное старомодное Maestoso второго уводятъ насъ въ совсѣмъ иной миръ, вдалѣ отъ нашего послѣдняго и конкретного. Бунинъ какъ бы забываетъ на минуту въ этихъ разсказахъ о нашемъ тошнѣннѣ и о нашей послѣдней тоскѣ... Да это естественно и должно было случиться съ нимъ: вѣдъ здѣсь въ условіяхъ небожничьяхъ писателя не можетъ не отключиться и па тотъ окружающій миръ, среди котораго ему приходится существовать — не можетъ не отключиться и па покой, если этотъ покой существуетъ рядомъ съ нимъ. А пакой даетъ возможность размышленія, пакой рождаетъ тревогу духа, — и отсюда эти вопросы тѣхъ категорій, которыя кому — либо могутъ показаться, можетъ быть, и повсѣвременными и вовсе неужными для насъ, для которыхъ все — въ обрѣтении одной жизни Россіи. Бунинъ — писатель, Бунинъ — художникъ, и потому, онъ свободенъ; и вотъ отсюда это впечатлѣніе отъ его «Отъ пожара-юшій», будто онъ написанъ не русскимъ Бунинимъ, а русской писателю — европейца, европейца par excellence.

4

Къ разсказамъ приложены стихи Бунина.

Они о томъ же, о чемъ и рассказы. Но къ нимъ уже менѣе приложима та характеристика sine ira et studio, которая невозможна рождается при чтеніи бунинскихъ разсказовъ. И га, и studium — здѣсь, какъ и надлежитъ этому быти въ стихахъ современнаго русскаго поэта патриота звучитъ со всею категоричностью и полновѣдностью. Здѣсь много жесткихъ, яростныхъ жесткихъ суровыхъ безопацидныхъ словъ!

Ночь — долгая, хмурая, волчьей, Кругомъ все синѣ да синѣ; А въ домѣ лишь мы, да инора; Да жуткая близость врага, Прерывающаго дикаго вѣка Участикомъ быти мнѣ дано...

Эти стихи были написаны тамъ въ Россіи еще въ сентябрѣ 1917 г. Горькія жесткія слова звучатъ въ бунинскихъ стихахъ непрерывно съ этого сентябрьскаго дня.

Лолли Львовъ.

„Революціонная законность“

«Студенческие Годы» № 3 (20) 1925 г. Стр. 39. Прага.

Послѣдній номеръ «Студенческие Годы» — юбилейный. Имъ журналъ отмѣяетъ тридцатилѣтнее существованіе. За три года «Студенческие Годы» — могли сказать убѣренно — завоевали себѣ прочное мѣсто въ зарубежной литературѣ, богатой періодическими изданіями, если не считать ежесдневныхъ... Значеніе журнала шире имъ самимъ отмѣренными себѣ въ заглавіи рамкамъ. Это журналъ не только студентовъ и не только для студентовъ и потому жаль, если назвали его иногда отпугивать широкую публику, которая могла бы найти въ «Студенческихъ Годкахъ» много разнообразнаго и интереснаго матеріала — и художественнаго и публицистическаго. Въ юбилейной редакціонной статьѣ въ послѣднемъ номерѣ журнала ставитъ себѣ въ особую заслугу политическую широту и терпимость. Въ редакціонной коллегіи участвуютъ представители разныхъ политическихъ теченій въ студенчествѣ, и статьи политико-идеологическаго печатаются въ журналѣ «въ порядкѣ дискуссій», причемъ тутъ мы встрѣчаемъ не только студенческому молодежи, но и публицисту старшаго поколѣнія.

Эти статьи представляютъ часто несомнѣнный общій интересъ. Назовемъ, напримѣр,

въ предпоследнемъ номерѣ статью К. И. Зайцева, а также разлѣ напечатанной статьи А. С. Изюмова о социализмѣ, г. З. объ идеологій революціи, о которыхъ съ такимъ незаслуженнымъ пренебреженіемъ отзывается въ рецензируемомъ номерѣ г. Николай Эрлеръ въ своей вообще странной, чтобы не сказать неумѣстной статьѣ, озаглавленной «Сорокъ статей». Странно звучитъ обвиненіе автора, что «Студенческие Годы» якобы замалчиваютъ Россію.

Въ рецензируемомъ номерѣ всего ите ресѣе, пожалуй, живо написанныя воспоминанія Ва. Лазаревскаго о началѣ «Ско ропащичины» на Украинѣ, дающія любопытный психологическій материалъ для тѣхъ, кто знаетъ этотъ періодъ.

Интересенъ предъданный Е. Недѣльскимъ опытъ реконструкціи по письмамъ и дневникамъ Пушкина исторіи его женитбы.

Автору принадлежит только конструктивная часть, матеріалъ подлинный пушкинскій.

Интересна также статья Д. Яблонскаго о кризисѣ украинской самостоятельной идеологии.

Стихи слабѣе обычнаго. Очень хорошо ведется въ журналѣ отдѣлъ литературной хроники.

Богато составлена освѣдомительная часть, особенно по Прагѣ; по другимъ странамъ матеріалъ нѣсколько скуднѣе.

Выше журналу выдается очень хорошо.

Г.

въ предпоследнемъ номерѣ статью К. И. Зайцева, а также разлѣ напечатанной статьи А. С. Изюмова о социализмѣ, г. З. объ идеологій революціи, о которыхъ съ такимъ незаслуженнымъ пренебреженіемъ отзывается въ рецензируемомъ номерѣ г. Николай Эрлеръ въ своей вообще странной, чтобы не сказать неумѣстной статьѣ, озаглавленной «Сорокъ статей». Странно звучитъ обвиненіе автора, что «Студенческие Годы» якобы замалчиваютъ Россію.

Въ рецензируемомъ номерѣ всего ите ресѣе, пожалуй, живо написанныя воспоминанія Ва. Лазаревскаго о началѣ «Ско ропащичины» на Украинѣ, дающія любопытный психологическій материалъ для тѣхъ, кто знаетъ этотъ періодъ.

Интересенъ предъданный Е. Недѣльскимъ опытъ реконструкціи по письмамъ и дневникамъ Пушкина исторіи его женитбы.

Автору принадлежит только конструктивная часть, матеріалъ подлинный пушкинскій.

Интересна также статья Д. Яблонскаго о кризисѣ украинской самостоятельной идеологии.

Стихи слабѣе обычнаго. Очень хорошо ведется въ журналѣ отдѣлъ литературной хроники.

Богато составлена освѣдомительная часть, особенно по Прагѣ; по другимъ странамъ матеріалъ нѣсколько скуднѣе.

Выше журналу выдается очень хорошо.

Г.

На Дальнемъ Востокѣ

Изъ Россіи на Амуръ и обратно. «Амурская Правда» (29 апрѣля) пишетъ:

«Въ Амурской губерніи за